

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Русская литература

№ 4

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

1961

Год издания четвертый

СОДЕРЖАНИЕ

В преддверии коммунистической эпохи	3
А. Бушмин. Александр Фадеев (по страницам посмертных публикаций) . .	12
Лекция А. В. Луначарского о Тургеневе (предисловие и комментарии Вал. Щербины)	39
А. Батюто. Парижская рукопись романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» . .	57
Н. Пруцков. О художественном своеобразии Гончарова-романиста	79
Р. Гельгардт. Л. Толстой о народности писательского языка	99
А. Ревякин. Жанровые особенности «Горя от ума»	114

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

П. Берков. Неизвестные стихотворения Ломоносова в «Санктпетербургских ведомостях» 1743 и 1748 годов	128
В. Коровин. Неизвестный сонет Н. М. Языкова	131
Т. Голованова. Н. И. Тургенев о крестьянской реформе	134
И. Битюгова. Неопубликованное письмо Ф. М. Достоевского	143
Н. Пузин. Письмо к Л. Н. Толстому об И. С. Тургеневе	148
А. Бабореко. Бунин и Эртель	150
А. Мещерский. Неизвестные письма И. Бунина	152
В. Афанасьев. На подступах к «Поединку»	159
Л. Любимов. Из творческой лаборатории Куприна (рассказ «Тень Наполеона») .	164
Б. Двинянинов. П. Ф. Якубович и Демьян Бедный	168
С. Виноградов. Неопубликованные документы о Новикове-Прибое	173

ТЕКСТОЛОГИЯ И АТРИБУЦИЯ

Д. Лихачев. Задачи текстологии	175
М. Альтшуллер. Несколько уточнений к текстам стихотворений Г. Р. Державина	186

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД

И. БИТЮГОВА

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ ПИСЬМО Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Письмо Ф. М. Достоевского из Эмса от 23 июля/4 августа 1876 года, машинописную копию которого удалось обнаружить в архиве Института русской литературы (фонд 98), до сих пор не было известно: не попало оно ни в одно из изданий писем Достоевского, не числится и в описании его рукописного наследия.

Написанное в характерном для отношений Достоевского с адресатом интимно-дружеском плане, это письмо раскрывает мысли и настроения писателя периода пребывания его за границей летом (июль—август) 1876 года, воспроизводит одну из еще не прочитанных страничек его биографии.

Нити к этому письму идут от опубликованных в «Звеньях» (1932, вып. 1) воспоминаний «О Ф. М. Достоевском» Е. П. Летковой-Султановой, передовой, демократически настроенной общественной деятельницы и писательницы конца XIX—начала XX века. Леткова упоминает в заключительной части своих мемуаров о том, что в 1920 году к ней как к работнику Дома литераторов (в Петрограде) «одна дама из б. большого света, Л. В. Г.», принесла случайно уцелевшее у нее письмо Ф. М. Достоевского, которое должно было быть напечатано в издаваемом в то время журнале «Летопись». Здесь же приводится письменный рассказ Л. В. Г.—ной (как далее называет адресатку Леткова) о ее знакомстве с Ф. М. Достоевским в 1875 году.

По словом Л. В. Г.—ной, она познакомилась с Достоевским «в середине сентября 1875 года», когда она по совету С. П. Боткина, известного профессора Военно-медицинской академии, «начала лечиться у д-ра Симонова сгущенным воздухом».

«Надо было сидеть два часа под колоколом с герметически закрытой дверью, — пишет Л. В. Г.—на. — На первом же сеансе я начала оглядывать всех с нами находящихся и увидела рядом со мною, с правой стороны, человека с очень бледным, т. е. желтым, лицом, очень болезненным; он сидел согнувшись в кресле, с „Русским вестником“ в руках, и как бы весь ушел в интересное чтение, не обращая никакого внимания на окружающих. Когда машина загудела очень шумно и дверь закрылась так, что уже ее никакими силами нельзя было открыть, мой сосед справа, не меняя своего положения в кресле, повернул немного голову в мою сторону и, глядя на меня через стекла очков или пенсне (не помню), сказал мне не без иронии:

— Сударыня. Я слышу, что вы очень нервны, за вас все волнуются... так я должен вам сказать, что я эпилептик, что припадки падучей у меня очень часты...

И он так сильно закашлялся, что я с минуту не могла ничего ответить ему; потом, наконец, сказала:

— Ну, бог даст, ничего с вами не будет, и, во всяком случае, можно ли говорить о каком-то испуге и как это может отразиться на мне... Скажите лучше, чем и как вам помочь, если „это“ случится...

Он приподнялся, сложил книгу и громко, совсем другим голосом сказал, осматривая меня с головы до ног:

— Ах, вот вы какая!».

Далее Л. В. Г.—на рассказывает, как на следующем сеансе она неожиданно узнала, что ее собеседник — Ф. М. Достоевский. Постепенно от сеанса к сеансу беседы их становились все более оживленными, а отношения дружескими. Однажды Л. В. предложила: «Пойдемте ко мне пить чай. ... И он пришел. И стал приходить ежедневно; а когда он читал где-нибудь, то я обязательно должна была ехать туда и сидеть в первом ряду. Ко мне он приходил всегда с какой-нибудь книгой и читал вслух. Так он прочел мне „Анну Каренину“, делал свои замечания, обращая внимание на то или другое выражение Толстого. „Каждый писатель, — говорил он, — вводит в литературу не только свои выражения, но и свои слова“.

Обыкновенно чтение его кончалось сильным приступом кашля, и я отнимала у него книгу. Я больше любила слушать его рассказы; с искренним интересом

следила я за каждым его словом. Помню, как он говорил, что его раздражительность дома доходит до того, что он не может работать. Помню, как он рассказал мне про студенческие кружки, про тот день, когда его арестовали; помню, как настойчиво просил познакомиться его с моими родителями, говоря, что это очень важно для познания меня... В 1876 г. он уехал лечиться в Эмс, и мы решили переписываться. Переписка установилась дружеская, но грустная...»¹

Такова история знакомства Л. В. Г.—ной с Ф. М. Достоевским. Приложенное к этому пояснению письмо Ф. М. Достоевского из Эмса, по свидетельству Е. Летковой, было куплено для «Летописи» Дома литераторов, но, однако, вскоре по просьбе Л. В. Г.—ной возвращено ей обратно как «единственное оставшееся у нее от переписки с Достоевским и которое она до сих пор хранила как святыню».

«Я сочувствовала ей: таких писем не продают (даже во время голода), — пишет Леткова, — и я сейчас же пошла в редакцию „Летописи“, взяла письмо и отдала его Г.—ной.

Но копия с него где-то хранится. Может быть, в архиве Дома литераторов».²

Копия эта (3 листа машинописи), как выяснилось, была передана в архив Института русской литературы вместе с другими материалами архива Дома литераторов.

Конверт письма не воспроизведен. Датируется оно 23 июля/4 августа 1876 года и начинается обращением: «Многоуважаемая Любовь Валерьяновна». Таким образом, первые две буквы инициалов расшифрованы уже в самом письме. Оставалась неясной фамилия адресатки, но ее удалось раскрыть по одному из вариантов черновых рукописей воспоминаний Летковой, хранящихся также в ИРЛИ. Среди отдельных листков первоначальных набросков³ сохранился общий план мемуаров «О Ф. М. Достоевском» (л. 28), в котором читаем: «2) Литературный вечер. Письмо Головиной. Нежно-внимательное. Очень».

Любовь Валерьяновна Головина, урожденная Карнович, дочь вице-директора департамента общественных дел В. Г. Карновича и О. В. Месаранс, отдаленная родственница писателя Е. П. Карновича (троюродная племянница), была женой Евгения Сергеевича Головина, камергера, помощника главного инспектора шоссежных и водных сообщений.⁴ Воссозданные в ее письменном рассказе обстоятельства знакомства с Достоевским подтверждаются другими документальными свидетельствами, однако указание о времени нуждается в уточнении.

В феврале 1875 года (с 6 по 13 февраля ст. ст.), а не в середине сентября, как писала Л. В. Головина, Достоевский действительно принимает в пневматической лечебнице Л. Н. Симонова сеансы лечения сгущенным воздухом.⁵

В письме к А. Г. Достоевской из Петербурга от 7 февраля (ст. ст.) 1875 года Достоевский пишет: «Роман Толстого читаю только под колоколом, ибо иначе нет времени. Роман довольно скучный и уж слишком не бог знает что. Чем они восхищаются, понять не могу».⁶ Речь идет о романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина», печатавшемся в «Русском вестнике», с книжкой которого встретила Л. В. Головина Достоевского под колоколом.

16 февраля 1875 года после двухнедельного пребывания в Петербурге Достоевский выезжает в Старую Руссу, а в середине сентября 1875 года вновь приезжает в Петербург на длительный срок (вплоть до середины июня 1876 года). Вероятно, в этот период Достоевский и навещал Л. В. Головину, в это время и завязались их более тесные дружеские отношения, когда писатель мог рассказать ей о своем участии в деле Петрашевского («студенческих кружках»), аресте, о своей повышенной «раздражительности» дома. В эту пору Л. В. Головина имела возможность присутствовать на упоминаемых ею чтениях Достоевского и прослушать у себя «Анну Каренину». Никаких данных, что Достоевский в сентябре 1875 года вновь лечился у Симонова, нет. По всей вероятности, путаница в датировке объясняется пробелом памяти при воспроизведении событий сорокапятилетней давности — события начала февраля и сентября 1875 года контаминировались в сознании.⁷

¹ «Звенья», 1932, вып. 1, стр. 473—475.

² Там же, стр. 475.

³ См.: Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, архив Е. П. Летковой-Султановой, ф. 230, № 16, 37 лл.

⁴ См. о ней: адрес-календарь «Весь Петроград» за 1916 год и статью М. Маринной «Головино» («Русский архив», 1915, № 9—10, стр. 45, подстрочное примечание).

⁵ Ф. М. Достоевский. Письма, т. III. «Academia», М.—Л., 1934, стр. 147—159.

⁶ Там же, стр. 150.

⁷ В летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского (Леонид Гроссман Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах. «Academia», М.—Л., 1935) вкралась ошибка: факт знакомства Достоевского с Л. В. Г.—ной в лечебнице Симонова (ссылка на «Звенья», вып. 1) отнесен к сентябрю 1876 года.

Воспроизводим копию письма Ф. М. Достоевского к Л. В. Головиной:

«Эмс 23 июля 76
4 августа

Многоуважаемая
Любовь Валерьяновна,

Пишу к Вам в город Гадяч, а сам не уверен, точно ли Вы этот город назначили мне, когда позволили писать к Вам, — такова моя ужасная память. Я понадеялся на нее и не записал Ваш адрес тогда же; вот будет беда, если я ошибся, и это тем более, что, очутившись в Эмсе совершенно один, ощутил истинную потребность напомнить о себе всем из тех, от которых видел искреннее и дорогое для меня участие. — Здесь я всего две недели, а в Петербурге, в последний месяц особенно, так был занят и столько было у меня хлопот, что даже и теперь вспоминаю с тоской. А впрочем, и здесь не лучше: я никак не могу быть один. Здесь шумная, многотысячная толпа со всего света съехавшихся лечиться, и хоть русских много и нашел даже знакомых, но все не те, а потому скучаю ужасно. Восхитительные здешние виды и окрестностей и города даже еще усиливают тоску: любишь, а не с кем поделиться.

Но я все о себе. Каково Ваше здоровье? Всесело ли Вам? Сколько я Вас разглядел, Вы прекрасная мать, любите Ваш дом и сверх того любите Вашу Малороссию. О том, как Вы будете жить летом в Гадяче, Вы говорили мне с весельем и удовольствием. Лучше этого, т. е. лучше таких чувств и наклонностей, ничего бы и не надо. Но неужели Вы и вправду не светская женщина? Если б я был на Вашем месте, мне кажется, я непременно, хоть на время, стал бы светской женщиной, несмотря на то, что это и вправду скучное занятие. Пусть это было бы даже жертва, но я считал бы себя даже обязанным принести эту жертву. Впрочем, развивать этого не стану, да и сопоставление себя с светской женщиной считаю очень смешным, хотя, право, у меня была какая-то мысль.

Мне хочется тоже пожелать Вам как можно больше счастья. Мне кажется, счастье всего больше Вам пристало, оно к Вам *идет*. Я хоть и довольно уединенный человек, но знаю нескольких женщин, даже немало, которые со мной и искренни и доверчивы. Так как я всего более люблю искренность, то поневоле часто вспоминаю о друзьях моих, в то время когда случается их покинуть, как теперь например. Перебирая в воображении и в сердце все эти знакомые и милые лица, я всякой из них чего-нибудь да пожелаю, и именно того, что, по взгляду моему, каждой из них наиболее идет. Одной я пожелал даже испытать какое-нибудь сильное ощущение, вроде даже горя — потому что, показалось мне, ей это решительно необходимо, ну уж конечно на минутку. Но Вам, воображая Вас, я несколько раз даже пожелал уже непрерывного счастья, без малейшего облачка, и это во всю жизнь. Так мне кажется. Припоминая Ваш образ и Ваше лицо, я не могу представить Вас иначе, как в счастье. Оно к Вам идет и именно пристало, почему — не знаю. За то знаю то, что желаю Вам счастья, и не потому только, что оно к Вам *идет*, а и от всего искреннего моего сердца, много, много, и да благословит Вас бог.

Здесь я встретил барона Гана, помните того артиллерийского генерала, с которым мы лечились вместе под колоколом. Я было его не узнал, он был в штатском платье. „Как, вы не узнаете меня, а помните, как мы вместе сидели под колоколом, а вместе с нами такие хорошенькие дамы“. После этого напоминания я конечно сейчас узнал его. Он рассказал мне, что Фрёрих в Берлине приговорил его к смерти и что болезнь его неизлечима, но что сейчас затем он поехал к Вундерфрау в Мюнхен (о которой Вы, верно, что-нибудь слышали; она лечит каким-то особенным секретом, и к ней съезжаются со всего света) и что та ему чрезвычайно помогла, — „но это было прошлого года, а нынешний год, представьте себе, она прогнала меня и не захотела лечить, и вот я здесь“. Здесь же, т. е. в Эмсе, он лечится уже не сгущенным, а разреженным воздухом — „и представьте, ведь помогает“. Я сказал ему, что и я тоже приговорен и из неизлечимых, и мы несколько даже погоревали над нашей участью, а потом вдруг рассмеялись. И в самом деле, тем больше будем дорожить тем кончиком жизни, который остался, и, право, имея в виду скорый исход, действительно можно улучшить не только жизнь, но даже себя, — ведь так? И все-таки я упорствую и не верю докторам, и хоть они и сказали все, хором, что я неизлечим, но прибавили в утешение, что могу еще довольно долго прожить, но с тем, однако ж, непременно условием, чтоб непрерывно держать диету, избегать всяких излишеств, всего более заботиться о спокойствии нервов, отнюдь не раздражаться, отнюдь не напрягаться умственно, как можно меньше писать (т. е. сочинять) и — боже упаси — простужаться; „тогда, о тогда при соблюдении всех этих условий вы можете еще довольно долго прожить“. Это меня, разумеется, совершенно обнадежило.

Впрочем, барон Гап совсем не собирается умирать. Статское платье его шито щегольски, и он с видимым удовольствием его носит. (Генералы наши, я заметил это, с особенным удовольствием надевают статское платье, когда едут за границу). К тому же здесь так много „хорошеньких дам“ со всего света и так прелестно одетых. Он, наверно, снимет с себя здесь фотографию, в статском платье, и подарит карточки своим знакомым в Петербурге. Но это милый человек.

Вы любите и семью, и дом, и родину, а стало быть, Вы патриотка. А коли патриотка, то любите и близкое России или, вернее, совсем русское дело освобождения славян. Здесь в Курзале множество газет, есть и несколько русских. Большое развлечение час прихода почты, когда тогчас же схватываешь газеты и читаешь — разумеется, прежде всего о славянах. Если Вы следите тоже за этой драмой у славян, то советую читать Вам „Московские ведомости“; в этой газете все об восточном вопросе изложено яснее и понятнее, чем во всех других. Это именно высшее понимание дела. — Ну вот исписал все 4 страницы, а меж тем, право, хотел Вам сказать, хоть не больше, так что-нибудь получше. Но так всегда: я писем писать совсем не умею. Но не взыщите, многоуважаемая и добрая Любовь Валерьяновна, и поверьте моему глубочайшему к Вам уважению и всем тем хорошим чувствам, которые ощущаю в сердце моем всегда, когда вспоминаю Вас.

Вам очень преданный

Федор Достоевский»

В подлинности этого письма не возникает сомнений: как по содержанию своему, так и по стилю оно органически включается в состав эпистолярного наследия Достоевского.

Доказательством принадлежности текста хранящейся в ИРЛИ машинописной копии Достоевскому является перекличка, а порой и полные совпадения с соседними по времени написания письмами Достоевского из Эмса к А. Г. Достоевской. В письме от 21 июля/2 августа 1876 года, т. е. предшествующем письму Л. В. Головиной, читаем, например: «На вопрос же мой (положительный) — так ли развилась моя болезнь, что мне уже не долго жить? — он (Орт. — И. Б.) даже засмеялся, и сказал мне, что я не только 8 лет проживу, но даже 15 — но прибавил: „разумеется если климат, если не будете простужаться, если не будете всячески злоупотреблять своими силами, и вообще если не будете нарушать осторожную диету“». ⁸ В письме к Анне Григорьевне, написанном день спустя после письма Головиной — 24 июля/5 августа 1876 года, находим аналогичную характеристику встреченного Достоевским в Эмсе барона Гапа: «Здесь мне встретился некто барон Гап, Артиллерийский генерал в Петербурге, с которым мы вместе сиживали у Симонова под колоколом. Он рассказал мне, что Фрёрих в Берлине сказал ему, что он неизлечим, но он (прошлого года) ездил к Вундерфрау в Мюнхене (ты вероятно слышала, она лечит от всех болезней каким-то своим секретным способом и *всегда* *вылечивает* и к ней съезжаются со всего свега...) и что она *очень* помогла ему, так что и теперь он себя чувствует прекрасно». ⁹

В дружеском письме Ф. М. Достоевского к Л. В. Головиной в какой-то степени сказался высокий взгляд Достоевского на русскую женщину.

В майском и июньском номерах «Дневника писателя» за 1876 год (см. «Несомненный демократизм. Женщины» и «Опять о женщинах») Достоевский пишет о русской жепщине как о «залог... обновления» общества, приветствует «подъем в запросах ее... высокий, откровенный и безбоязненный». ¹⁰ Эти высказывания, обусловленные реальными историческими фактами и находящие аналогию в отношении к женскому вопросу других русских писателей того времени, восходят у Достоевского к его христианским идеалам, хранителем которых, по его мнению, в большей степени является жепщина и на почве которых и произойдет преобразование общества.

Л. В. Головина предстает перед Достоевским, как можно заключить из письма, преимущественно в сфере семейной. Как симпатичные ему положительные качества адресатки Достоевский подчеркивает то, что она «прекрасная мать» и любит свою Малороссию, любит «и семью, и дом, и родину, и стало быть... патриотка». Однако проявляемые писателем уважение и интерес к внутреннему миру и духовному развитию вступающей в жизнь молодой женщины в некоторой мере соотносятся с его дневниковыми выводами.

В письме и беседах с Головиной Достоевский касается ряда тем и вопросов, составляющих предмет его серьезных размышлений. Читая вслух «Анну Каженину», Достоевский, по словам Головиной, заметил: «Каждый писатель вводит

⁸ Ф. М. Достоевский. Письма, т. III, стр. 233.

⁹ Там же, стр. 236.

¹⁰ Ф. М. Достоевский, Собрание сочинений, т. 11, Гослитиздат, М.—Л., 1929, стр. 306.

в литературу не только свои выражения, но и свои слова». Это не столь, на первый взгляд, значительное суждение напоминает другое, более важное. Несмотря на отрицательные отзывы в письмах о новом романе Толстого, после появления в печати последних частей «Анны Карениной» Достоевский, увлеченный родственной ему нравственной философией Толстого, в «Дневнике писателя» за июль—август 1877 года отводит «Анне Карениной» первое место в мировой литературе того времени, видит в ней «наше национальное „новое слово“, сказанное Европе».¹¹

В письме к Головиной Достоевский упоминает о глубоко волновавшем его в то время восточном вопросе. Как видно из «Дневника писателя» 1876—1877 годов, события сербо-черногорско-турецкой войны 1876 года Достоевский рассматривает как начало осуществления его утопической «почвеннической» теории о предстоящей России совместно с освобожденными ею славянскими народами великой исторической миссии в примирении европейских противоречий. Неудивительно поэтому, что он ориентирует Л. В. Головину на «Московские ведомости». Эта влиятельнейшая консервативная газета, отражавшая в целом политику правительственной дипломатии на Балканах, в июне—июле 1876 года наряду с бывшими в центре внимания Достоевского материалами о ходе военных действий, зверствах турок по отношению к мирному населению и добровольческих актах среди различных слоев русского общества печатала импонировавшие писателю речи И. С. Аксакова на заседаниях Славянского комитета. Так, например, в речи И. С. Аксакова 14 июля 1876 года, носившей в конечном итоге панславистский характер, Достоевского не мог не увлечь пафос истолкования добровольческого движения «в помощь братьям-славянам» как народного. Вероятно, Достоевскому, разделявшему заблуждение И. С. Аксакова, именно это и казалось «высшим пониманием дела».

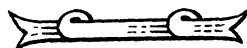
В письме Достоевского к Л. В. Головиной отражены его заграничные впечатления, которые затем, так же как и факты, рассказанные в письмах к Анне Григорьевне, найдут место в «Дневнике писателя».

В номере «Дневника» за июль—август 1876 года та же, что и в письме, характеристика «многоотысячной толпы» съехавшихся со всех концов в Эмс буржуа и праздной русской аристократии. «Неужели же, — спрашивает Достоевский, — нельзя и теперь ничего представить лучше этой праздной толпы обесчеловеченных людей, людей, которые, если б не толкались теперь на водах, то наверно не знали бы, что делать и как изломать свой день».¹² Особенно писателя возмущают русские за границей на модных курортах, о которых в письме он пишет, что это «все не те».

Среди типов русской знати, пребывающей в Эмсе, Достоевский выводит в «Дневнике» образ русского генерала, который, отправляясь за границу, «иногда даже очень любит надеть статское платье и заказывает у первейшего петербургского портного, а приехав на воды, где всегда так много хороших дам со всей Европы, очень любит пощеголять. Он с особенным удовольствием, кончив сезон, снимает с себя фотографию в штатском платье, чтоб раздарить карточки в Петербурге своим знакомым или осчастливить подарком преданного подчиненного».¹³

Это почти дословно воспроизведенный портрет барона Гана, артиллерийского генерала — вероятно, речь идет о Теодоре Федоровиче Гане, бывшем в 70-х годах членом Артиллерийского комитета в Петербурге, — о котором Достоевский пишет в письме к Л. В. Головиной как об общем знакомом.

Письмо Ф. М. Достоевского Л. В. Головиной не только содержит, как и другие его письма, некоторого рода творческие наброски первых впечатлений от действительности, использованные впоследствии как художественные заготовки, но и само представляет один из образцов эпистолярного стиля Достоевского: искренняя, задушевная тональность, лирический подтекст — противопоставление прекрасной природы правам модного курорта, тонкость психологического анализа внутреннего мира адресата, размышления о различных женских характерах, которыми движут порой противоборствующие и не совсем объяснимые логикой чувства, — все это свойственно стилю многих писем Достоевского.

¹¹ Там же, т. 12, стр. 209.

¹² Там же, т. 11, стр. 365.

¹³ Там же, стр. 336.